

На севере бушевал ветер, завывая в горах о том, что скоро начнет холодать, но на юге воздух был пропитан осенней свежестью, и над головой ярко светило солнце.

В горах близ Цзянчжоу клены окрасились в оранжево-красные цвета, а их листья трепетали над городом. Наконец-то удалось преодолеть трудности этого года — наводнение в регионах к югу от Янцзы не прошло бесследно, и, хотя в Цзянчжоу наблюдался неурожай, Цзяннань, как всегда, порадовала богатым урожаем. При распределении зерна по многочисленным провинциям империи, несмотря на неоднократные запреты, коррупция и дефицит по-прежнему не прекращались, но, по крайней мере, удалось подавить назревавшие народные волнения.

За последние полгода вклад Му Куанды был поистине огромен. Благодаря объединенным усилиям правителя империи и его чиновников Великая Чэнь благополучно пережила первый год после переноса столицы. Однако с севера снова пришли вести о войне.

— Монголы так и не смогли взять Лоян, сколько ни пытались, — тихо произнес Се Ю. — Я лишь опасаясь, что с наступлением зимы они повернут на юг, чтобы вторгнуться в пределы Великой Чэнь.

Ли Яньцю, Цай Янь, Се Ю, Му Куанда, Су Фа, а также военный министр Чэнь Мао изучали карту Хэбэя.

— Судя по письмам из Ляо, они уже здесь, — Се Ю указал на Лоян, расположенный к югу от Великой стены, и пояснил. — Они всего в нескольких сотнях ли от Жунани. Если они когда-нибудь изменят курс, сначала пройдут Жунань, а потом переправятся через Сюньшуй, то с силами не менее пятидесяти тысяч человек они, без сомнения, смогут взять Хэбэй.

— У нас больше не осталось войск, способных усилить север, — ответил Чэнь Мао. — Если не считать войск Хань Биня, расквартированных в Юйбигуань, остальная армия состоит из сыновей дворян из Цзяндуна. Они сильны в морских и сухопутных сражениях, но не в конных.

— Мы можем перебросить войска из Юйбигуань и Тунгуань, — сказал Ли Яньцю. — С тех пор как Ван Шань вступил в должность, У Ду уже однажды отразил армию Борджигина. Если монголы вернутся, их положение будет крайне тяжелым. Мы не можем потерять Хэбэй — если он будет захвачен, северными воротами империи станет Хуайин.

Все должны были защищать этот общий интерес: императорский двор не хотел терять Хэбэй, а Яо Фу не хотел, чтобы его земли имели общую границу с монголами. Если Хэбэй попадет в руки врага, следующей целью монголов станет либо Ляо, либо Хуайин. А если Хуайин падет, то Цзянчжоу будет обречен.

— Войска под командованием Яо хоу не обязательно обладают достаточной силой, чтобы выдержать натиск монголов, — произнес Му Куанда. — Хэбэй уже много лет находится в шатком положении, в течение которых его губернатор несколько раз писал с просьбой о помощи, но каждый раз Хуайин занимал выжидательную позицию. Даже если сейчас удастся уговорить его выслать войска, нет гарантии, что это приведет к победе.

Цай Янь молча смотрел на карту.

— Самая лучшая война — разбить замыслы противника; на следующем месте — разбить его союзы*, — сказал Чэнь Мао. — Я думал, что они смогут сначала пережить эту зиму, а следующей весной подготовиться к войне, но время не ждет. Мы должны укрепить военную мощь Хэбэя.

* Из «Искусства войны» Сунь Цзы. Это значит: средств стратегического нападения два — разрушение плана противника и изоляция его.

— Что скажешь, сын мой? — спросил Ли Яньцю.

Цай Янь ответил:

— Монголы подобны наводнению, которое в любой момент может подняться над Великой стеной. Окружать, преследовать, перекрывать пути — все это не долговременное решение. Вот они решают напасть на Сюньшуй: войска Яо хоу прибывают — монголы отступают. На следующий день атакуют Чан — армия снова вынуждена идти туда. Когда же этому наступит конец?

Все замолчали. В голосе Цай Яня звучал упрек:

— В начале года у нас был шанс заключить союз с Юань, но теперь мы его упустили. Если не объединимся с ними, то придется сражаться. Другого выхода кроме решающей битвы нет.

Ли Яньцю улыбнулся.

— Верно.

Се Ю сказал:

— Начало зимы — действительно неблагоприятное время для вступления в бой. Несмотря ни на что, мы должны отложить сражение до следующего года.

Каждый раз, когда они сражались с монголами, те возвращались снова и снова; от них невозможно было избавиться. Как только они преодолевали Великую стену, они вторгались либо в Ляо, либо в Чэнь. Если они не устроят крупномасштабную, решающую битву, то не получат ни дня мира.

В этом вопросе интересы каждой из сторон были единодушны, но, когда и как они должны были провести эту битву, оставалось неизвестным.

— Заключим сделку с Елюй Цзунчжэнем, — сказал Цай Янь. — Пусть развернет войска вдоль Юйбигуань, оказывая давление на монголов. Затем попросим Яо хоу направить армию на север для поддержки Хэбэя. Если монголы атакуют города — дадим им бой. Если же они на зиму разобьют лагерь у Сюньшуй, подготовим совместную операцию с союзниками на следующий год, чтобы окружить и уничтожить их. Непременно спровоцируем генеральное сражение — это даст нам хотя бы трехлетнюю передышку.

Ли Яньцю раздумывал, и прежде чем он ответил, Цай Янь добавил:

— Согласно донесениям дворцовых гонцов, Ван Шаня и У Ду сейчас нет в Е. Куда же они подевались в такой критический момент?

Му Куанда ответил:

— Мы еще не знаем точно.

Цай Янь нахмурился, и Чэнь Мао произнес:

— Подумать только, губернатор провинции покинул свой пост без разрешения — все же молодые люди не так надежны.

Му Куанда сказал:

— Генерал в бою должен действовать по своему усмотрению. Мы хорошо видим, какого результата можно добиться, если У Ду и Ван Шань будут работать вместе, по их битве Седьмого Седьмого, так что я не думаю, что есть повод для беспокойства. Но эти монголы свирепы, как хищные звери, так что, в конце концов, Ваше Величество сами должны решить, как нам с ними поступить.

Му Куанда развернулся к Ли Яньцю. Он знал, что решение зависело только от их правителя: пятидесятитысячная армия намного превосходила возможности У Ду и Ван Шаня, так что будут ли они рисковать или пошлют войска на подкрепление, зависело от того, к какому выводу придет Ли Яньцю.

— Пошлите указ Яо Фу, — сказал Ли Яньцю. — Пусть отправит войска и укрепит Хэбэй.

Постепенно становилось все холоднее. По равнинам были разбросаны сорняки, а вид, охватывающий взор, был пустынен.

Вокруг Е из угольных куч поднимался серый дым. Многие люди поджигали заросли кустарника в глуши, расчищая землю и готовясь к весеннему посеву.

Дуань Лин и У Ду поднялись на высокую гору за поместьем губернатора к западу от Е. Небо над ними было затянуто серой дымкой.

— Зачем ты меня сюда привел? — спросил Дуань Лин.

— На прогулку, — ответил У Ду и снял с седла завернутый в ткань сверток.

Это место находилось недалеко от резиденции губернатора. Узкая тропинка, ведущая от задних ворот усадьбы, вилась к горному склону, поросшему соснами. На склоне виднелась каменная стена высотой по пояс, разделённая деревянными перегородками. Между ними искрился термальный источник, окутанный туманным паром.

Дуань Лин, не мывшийся несколько дней после падения в реку и долгого пути, не мог сдержать восторга. У Ду уже собирался насладиться с ним моментами нежности, но тот поспешно сбросил одежду и погрузился в теплые воды источника.

С беспомощным выражением лица У Ду осталось только раздеться и зайти в источник следом за ним.

Как только Дуань Лин вошел в воду, он воскликнул:

— Ах! Как горячо!

У Ду обнял Дуань Лина за талию и, раздвинув ноги, усадил его бедро, чтобы тот не упал на скользком дне.

— Когда они успели построить это место? — Дуань Лин обнаружил, что горячие источники были довольно ухожены.

— В Е с древних времен были горячие источники. Прежний губернатор сделал здесь ремонт — видимо, знал толк в удовольствиях.

Усталость, копившаяся за долгие дни, даже после суток сна не покинула его полностью. Но едва он погрузился в воды источника, как все напряжение внезапно смылось.

В сумерках огненно-красный закат пробивался сквозь темные облака, проливая лучи на горные склоны и лес. Помывшись, Дуань Лин лениво улегся в объятиях У Ду.

У Ду выбрал неглубокий участок источника, где влага смачивала их обнаженные тела. Грудь и мощная спина У Ду слегка покраснели от жара, а здоровая кожа блестела под водой.

— Приподнимись немного, — прошептал У Ду на ухо Дуань Лину, а затем сзади раздвинул руками его бедра.

Дуань Лин в ответ просто встал, развернулся к У Ду и, глядя ему в глаза, воссел на его пояснице.

На этот раз инициатива исходила от него. У Ду хотел обнять Дуань Лина, но тот сдерживал его, прижав его руки.

Не отрывая взгляда от У Ду, Дуань Лин медленно опустился на его член. Дыхание У Ду участилось, и с каждым движением бедер Дуань Лина вода в горячих источниках вздымалась, вызывая очередную рябь.

Солнце опустилось за горизонт, оставляя после себя последний мазок бледного лилового цвета, разливавшегося по плечам и спине Дуань Лина; легкий ветерок разогнал остатки туч, и в зеркале источника отразилась раскинувшаяся по ночному небу звездная река. У Ду нежился в воде, и перед его глазами сияло множество только что взошедших звезд, тускло светящихся на горизонте, а под ними находились красивые, нежные черты лица Дуань Лина.

У Ду, сменив позу, обнял его, прижав к краю источника, и поцеловал в пылающие жаром губы. Затем, наклонившись над Дуань Лином, он проник в него до предела, замер в объятиях и прошептал что-то на ухо.

Слезы блестели на ресницах Дуань Лина. Он нежно провел пальцами по шее У Ду, тихо отвечая на его шепот, и их тела соединялись.

Прошло много времени, прежде чем У Ду вынес Дуань Лина из источника и вытер его полотенцем — у обоих к тому времени закружилась голова.

Мимо пронесся горный ветерок. Дуань Лин накинул на себя хлопковый халат, и они спустились с горы, держась за руки.

— О чем ты думаешь? — на щеках У Ду появился румянец.

— Я что-то не хочу возвращаться, — тихо проговорил Дуань Лин, переплетая пальцы с У Ду. — Может, это место дикое и безлюдное, но оно прекрасно.

— Ну тогда, вернувшись в Восточный дворец, ты можешь просто вышвырнуть оттуда всех, кто попадется на глаза, оставив только меня.

Дуань Лин улыбнулся. Когда они вернулись в поместье губернатора, как раз наступил час, когда зажигались лампы. Слуги вручили Дуань Лину меню ужина.

— Присаживайся, — Дуань Лин жестом пригласил У Ду занять почетное место.

— Я собираюсь выпить с Чжэн Янем, — ответил У Ду.

Дуань Лин понял, что тот имел в виду: ему нужно было встретиться с Елюй Цзунчжэнем и Бату, но Чжэн Янь не мог участвовать в этой встрече. Поэтому У Ду собирался поужинать с ним, чтобы не оставлять его без внимания.

— Хорошо, — поразмыслив, кивнул Дуань Лин. В конце концов, они уже были дома, и непосредственная опасность им не грозила.

— Приготовьте вино и еду, — сказал Сунь Тину Дуань Лин. — Спасибо всем за усердную работу. Как только все блюда будут поданы, пожалуйста, пусть телохранители нашего гостя стоят на страже снаружи. Ты и твои люди можете подождать в центральном дворе. Если услышите что-то необычное, сообщите коменданту.

Сунь Тин кивнул. Вскоре первым прибыл Елюй Цзунчжэнь и, входя в дом, кивнул Дуань Лину.

— Ты ходил на горячие источники? — спросил Елюй Цзунчжэнь.

Дуань Лин улыбнулся.

— Откуда ты знаешь?

— Я хотел обсудить с тобой после обеда, что мы будем говорить, чтобы не было противоречий, но мне сказали, что ты отправился в горы за поместьем.

— Если хочешь, можешь пойти туда в любое время. Что же до Бату... Вообще-то, это не имеет значения. Он все равно один из наших.

Дуань Лин не преминул сообщить У Ду, что несмотря на то, что Бату — монгол, они не должны были с ним плохо обращаться, и дал те же указания относительно Лан Цзюнься. Поэтому У Ду просто выделил Бату место в поместье и поручил Шулюй Жую следить за ним вместе с несколькими другими охранниками, держа его под домашним арестом.

Пока слуги в поместье подавали еду, Шулюй Жуй привел Бату и, жестом дав понять, что тот мог идти и садиться, вернулся на улицу охранять комнату. После того как еда была подана, Шулюй Жуй закрыл дверь в обеденный зал и продолжил стоять на страже снаружи, заложив руки за спину. Говорил он очень мало, но даже через дверь между ними чувствовалась его преданность.

— Присаживайся, — сказал Дуань Лин.

Елюй Цзунчжэнь с улыбкой на лице произнес:

— Борджигин, мы лишь мельком виделись на днях. С нашей последней встречи прошло уже много времени. Давай поговорим.

Бату бросил взгляд на них двоих. Его держали взаперти уже несколько дней, но из него все еще сочилась ярость. Он ничего не сказал и просто сел на место, предназначенное для гостей.

Дуань Лин подумал про себя: тебе действительно стоит искупаться. Бату был все таким же, как раньше. Он никогда не любил мыться.

— Я голоден, так что давайте сначала поедим. Пожалуйста, угощайтесь.

Дуань Лин поднял чашу с вином в сторону собеседников, Елюй Цзунчжэнь поднял свою в ответ, и они оба сделали по глотку. Но Бату не двигался, молча впиваясь взглядом в Дуань Лина.

Дуань Лин и вправду был голоден — с утра он съел лишь миску лапши. Поставив чашу, он принялся разрывать лепешку, макать ее в мясной соус, хлебать бараний бульон и подбирать палочками овощи, поглощая все с жадностью.

Елюй Цзунчжэнь произнес:

— Еда в Е вполне неплоха.

Дуань Лин сказал:

— С тех пор как к нам приехал мастер кулинарии, она стала только лучше. Раньше я бы никогда не решился подавать гостям приготовленную здесь еду.

Бату ожидал, что Дуань Лин что-то скажет. Он и подумать не мог, что Дуань Лин и Елюй Цзунчжэнь действительно просто будут ужинать. Вся ярость, которую он сдерживал в себе, немного утихла, и он начал есть.

— Ты слишком недооценил его, — сказал Елюй Цзунчжэнь Бату, — и в итоге сам попал в расставленную им ловушку?

Дуань Лин ответил:

— С детства он всегда побеждал меня, но наконец я смог взять верх. Если бы не его попытка спасти меня, он бы не проиграл. Бату, приношу извинения. Я поступил подло, используя

нашу дружбу в своих целях. Но выхода у меня не было. Эту чашу я пью за тебя.

Этими словами Дуань Лин сохранил лицо Бату.

— Я, блять, сам напросился, — ответил Бату и подхватил чашку, осушив ее одним глотком.

Дуань Лин засмеялся, Елюй Цзунчжэнь тоже поднял свою чашу за Бату, и все выпили по глотку.

— Через несколько дней я отправлю тебя обратно, — добавил Дуань Лин.

— Отправишь меня обратно? — в голосе Бату сквозил сарказм.

— А как же иначе? Что ты предлагаешь?

— Угэдэй не примет ни одного из твоих требований. Просто смирись.

— Нет нужды, — сказал Елюй Цзунчжэнь. — Я уже приказал гонцу как можно быстрее доставить письмо Хэлянь Бо. Когда придет время, Силян, Чэнь и Ляо объединятся, чтобы сразиться с Юань в решающей битве. В следующий раз мы увидим друг друга, возможно, на поле боя.

Дуань Лин мысленно воскликнул: прекрасно! Елюй Цзунчжэнь оказался таким же жестким, как и ожидал Дуань Лин.

Бату сказал:

— Цзунчжэнь, все эти годы ты всегда любил набивать себе цену — просто помешан на себе. Разве ты не знаешь, почему тебя заманили в Лоян? Да, ты никогда не меняешься.

Дуань Лин обнаружил, что в присутствии Елюй Цзунчжэня Бату, казалось, воспринимал все гораздо серьезнее. Во всяком случае, он становился совсем не похож на того Бату, которого знал Дуань Лин.

Бату взял кувшин с вином и наполнил свою чашу. Он сказал Елюй Цзунчжэню:

— Тебе не нужно объединяться с Дуань Лином, чтобы напугать меня. Я знаю, что это твоя идея. Хань Вэйюн поджидает тебя в Чжунцзине и уже расставил все свои ловушки. Сможешь ли ты вернуться в Чжунцзин живым — вопрос открытый. Даже если тебе удастся свергнуть его, ты никак не сможешь объявить нам войну в течение года.

— А что касается этого заики Хэляня, — Бату презрительно фыркнул. — он прекрасно умеет разводить лошадей, но на поле боя со мной ему не сравниться.

Дуань Лин подумал: «Вот ты только что говорил, что Цзунчжэнь полон самодовольства, но разве ты не такой же высокомерный? Ты дважды проиграл мне, а до сих пор так думаешь, хотя теперь ты в плену».

— Ты ошибаешься. Во всем, — сказал Елюй Цзунчжэнь. — Я заставлю тебя забрать твои слова обратно.

Бату на мгновение потерял дар речи.

Дуань Лин не мог удержаться от смеха, чуть не подавившись вином.

— Ты ничего не хочешь сказать? — небрежно сказал Елюй Цзунчжэнь Дуань Лину.

— Я не смею ничего говорить, — ответил Дуань Лин. — Я никогда не умел пить. Если напьюсь, то легко могу наговорить лишнего, а если скажу то, что думаю на самом деле, то проиграю.

— Проигрывает тот, кто говорит то, что думает на самом деле, — произнес Елюй Цзунчжэнь, — как же так получилось, что мир стал таким?

— Да, — вздохнул Дуань Лин, — как мы вообще докатились до такой жизни?

На мгновение все трое затихли. Бату, похоже, был тронут тем, как император Ляо и наследный принц Чэнь подпевали друг другу, и сказал:

— Твои ханьские кувшины для вина слишком малы.

— Шулюй Жуй, — позвал Дуань Лин, — принеси ему чашу для вина и полный кувшин.

Шулюй Жуй поменял вино местами. Бату взял его и начал пить.

— Просто уходи, — сказал Дуань Лин, — без войны мы будем жить по одному на каждом конце земли, но мы все еще можем быть анда. Я не хочу терять тебя, Бату. Не хочу однажды вонзить нож тебе в грудь или умереть под твоей саблей.

Бату сделав паузу, замолчал — он лишь смотрел на отражение собственных глаз в чаше с вином.

— Ты, Хэлянь, Цзунчжэнь. Вы трое — единственные друзья, которые у меня есть. Я не хочу

становиться с вами врагами. Иногда мне кажется, что...

Дуань Лин вздохнул, сделал глоток вина и сказал:

— Почему мы должны продолжать бороться друг с другом? После того как я на днях сбежал из твоей палатки и вернулся сюда, мне было очень грустно, и я понятия не имею, почему. Прошло столько лет с тех пор, как мы виделись в последний раз, и, по правде говоря, я очень скучал по тебе. Но теперь все изменилось. Если бы это было возможно, я бы с удовольствием вернулся в то время, когда мы были маленькими детьми. Тогда, в Прославленном зале, никто из нас не беспокоился о стольких вещах. У нас не было всех этих забот, мы просто были счастливы каждый день от заката до рассвета.

— Но время никого не ждет. Все изменилось. Мой отец умер, и даже Лан Цзюнься предал меня. Мои одноклассники из Прославленного зала и глава школы мертвы. Цай Янь хочет убить меня. Все, кого я знал раньше, либо изменились, либо их уже нет рядом.

Дуань Лин посмотрел на вино в своей чаше и тихо произнес:

— Я не хочу потерять тебя, Бату. Может, не будем сражаться?

— Ты когда-нибудь бывал на севере? — неожиданно спросил Бату.

Дуань Лин поднял голову и взглянул на Бату.

— Я говорю не о Шанцзине. Я имею в виду места еще более отдаленные, чем Шанцзин. На севере. Хулун-Буир, Гуаншань, река Селенга. Места настолько бесплодные, что там не прорастет даже травинка. Там я и родился.

Дуань Лин ответил:

— Нет.

— Это место, куда даже твой отец не хотел тебя везти. Зима там длиннее, чем весна, лето и осень вместе взятые. Очень холодно. Ужасно холодно. Не то что на юге, где живете вы, ханьцы. Раньше у монголов было по пять детей, а выживали только двое. Там почти нечего есть. Не то что у вас, у которых столько риса и муки, что они никогда не кончаются, по десять медяков за черпак. Осенью, когда собирают урожай, они скапливаются в холмы.

— Почему мы должны всю жизнь оставаться на севере только потому, что родились там? Вы родились на юге, потому что вам повезло. Что делает это место вашим? Почему бы вам, ханьцам, не перебраться на север, а нам — на юг, и не поменяться местами?

— Елюй Цзунчжэнь. Посмеешь говорить об обратном? Вы сами вторглись за Великую стену и отстроили там свою империю, и теперь земли к северу и югу от Хуанхэ — ваши владения. А сейчас вы вместе с ханьцами собираетесь учить меня покорно сидеть в бесплодных землях?

Елюй Цзунчжэнь молчал.

— Это земля, которую наши предки поколениями расчищали и превращали в плодородные поля, — произнес Дуань Лин. — Это наш дом. А ты сейчас врываешься в мой дом и спрашиваешь, почему я должен владеть всем этим только потому, что родился в этой семье.

— Конечно, не должен, — сказал Бату. — Если победишь меня, то сможешь забрать все, что мне принадлежит. Разве это не справедливо?

Дуань Лин потерял дар речи.

Только теперь Дуань Лин понял, как мыслил Бату. С самого детства он был диким волком — не таким, как ханьцы, не цивилизованным. Он считал, что закон джунглей был непреложной моральной истиной.

— Когда-то и мы так думали, — наконец произнес Елюй Цзунчжэнь. — Борджигин, тебе не кажется, что монголам чего-то не хватает?

— Нам не хватает еды. Нам не хватает одежды, — Бату взял свои палочки и внимательно их изучил. — Нет, у нас нет недостатка ни в чем из этого.

Затем он, не глядя, бросил палочки на пол и схватил мясо голыми руками. Пережевывая кусок говядины, он смотрел на Дуань Лина.

— Есть еще один выход. Ты пойдешь со мной, и я безоговорочно выведу свои войска.

— С какой стати ты хочешь, чтобы я пошел с тобой? — Дуань Лин не мог понять этого требования Бату.

— Он не пойдет с тобой, — сказал Елюй Цзунчжэнь. — Он тебя не любит. Разве ты не понимаешь? Он не твоя собственность. У него есть свой возлюбленный, и, если он не захочет, будь он даже овцой, ты не сможешь его трахнуть.

Дуань Лин мгновенно покраснел.

— Ты человек или животное? — произнес Елюй Цзунчжэнь. — Если ты обращаешься с ним как с вещью, значит, ты недостаточно хорош для него.

— Как только я поймаю эту твою императрицу-мать, которая прелюбодействует с ханьским псом, — выругался Бату по-монгольски, — ты узнаешь, человек я или животное.

— Боюсь, что ты, животное, никуда не денешься, — выругался Елюй Цзунчжэнь на киданьском, — ты можешь лишь поджать хвост перед ханьским псом, о котором говоришь!

Как только Бату закричал на Елюй Цзунчжэня по-монгольски, Елюй Цзунчжэнь ответил ему по-киданьски.

— Хватит! — видя, что, как только они немного выпили, то, казалось, были склонны справляться обо всей семье собеседника, Дуань Лин прервал их. — Давайте сменим тему...

От выпитого алкоголя Бату опрокинул стол и вышел вперед. Дуань Лин немедленно встал, пытаясь остановить их драку, но Бату схватил его и прижал к столу, пытаясь поцеловать. Дуань Лин изо всех сил сопротивлялся, но Бату был настолько силен, что похож на дикого зверя.

К ним подбежал Елюй Цзунчжэнь, схватил Бату и повалил его на пол. Бату в ярости бросился на него, и они вдвоем едва не опрокинули стол.

Снаружи Шулюй Жуй открыл дверь. Бату перевернул Елюй Цзунчжэня, и тот оказался на спине. Обеденный стол по центру сломался, и повсюду разлилось вино.

— Не входи сюда! — Елюй Цзунчжэнь решил снять халат и завязать его рукава вокруг талии. Бату посмотрел на Елюй Цзунчжэня, тоже засучил рукава, и встал в борцовскую стойку, следя за каждым его движением.

Они одновременно бросились друг на друга; Елюй Цзунчжэня отбросило назад, и он приземлился на пол в довольно неудобной позе.

Бату глотнул вина и швырнул чашу на пол, где та разлетелась на осколки. Повернувшись к Дуань Лину, он прорычал:

— Скажи своему любовнику, чтобы пришел, и мы поборемся. Ему не разрешается использовать ни одну из ваших ханьских уловок. Если он победит, я уйду. Проиграет — ты пойдешь со мной.

— Я не трофей для ваших игр, — закатив рукава, произнес Дуань Лин. — Выходи на улицу. Сыграем по твоим правилам.

Во внутреннем дворе солдаты смотрели в их сторону. Дуань Лин дал им указание не тревожить У Ду и Чжэн Яня и сказал Бату:

— Если ты выиграешь, я отпущу тебя прямо сейчас. Ты пойдешь за своими войсками, у нас

будет бой за Сюньшуй. Если проиграешь, убирайся отсюда сам и выводи войска.

Бату встал посреди двора и уставился на Дуань Лина.

— Я не собираюсь с тобой драться, — сказал Бату. — Мне не хочется тебя мучить. Ты не рожден для боя.

Дуань Лин одним шагом оказался перед лицом Бату и схватил его за руку, но Бату повернулся и провел ладонью по его талии, опрокидывая на пол.

Солдаты уже собирались подняться, когда Дуань Лин смахнул пыль с одежды, чтобы дать им понять, что он в порядке. Он сделал шаг в сторону и нагнулся, чтобы подхватить Бату за талию, но тот сделал еще один оборот на месте и легко уложил Дуань Лина на пол.

Дуань Лин немного потерял дар речи.

Как только он поднялся, Бату в третий раз простым борцовским приемом снова уложил его на спину.

— Все предыдущие разы я позволял тебе побеждать, — нетерпеливо произнес Бату. — Ты действительно думал, что сможешь одолеть меня за три приема? Я позволял тебе побеждать с самого первого дня нашей встречи. Ты понимаешь?

Дуань Лин молча стоял на месте, не издавая ни звука. Бату повернулся, и его взгляд, в котором читалась горечь разочарования, замер на Дуань Лине.

В зале Елюй Цзунчжэнь яростно вскочил и опрокинул последний стол.

— Елюй Цзунчжэнь! Пей! Ты будешь пить или как?! — прокричал Бату.

Елюй Цзунчжэнь подошел с кувшином вина в руках, слегка покачиваясь от опьянения, но Бату, подтолкнув его, направился в сторону сада. Елюй Цзунчжэнь, раздраженный, попытался отпихнуть его, однако, уступая в силе, лишь беспомощно развел руками и покорно последовал за ним.

Дуань Лин оставалось только вздыхая смотреть на огромный беспорядок, который они устроили в зале.

Проходя мимо двора, Дуань Лин застал У Ду и Чжэн Янь за распитием алкоголя.

— Ты в порядке? — Чжэн Янь заметил, что Дуань Лин не выглядел счастливым.

— Да.

Дуань Лин вернулся в свою комнату и закрыл за собой дверь, чувствуя себя крайне удрученным. Действие алкоголя постепенно прошло, и в голове прояснилось.

— Что случилось? — вошел У Ду и провел ладонью по лбу Дуань Лина. — Нехорошо себя чувствуешь?

— Ничего страшного, — угрюмо ответил Дуань Лин. — Иди. Продолжай.

У Ду выждал еще немного, но Дуань Лин настоял на том, что хочет побыть в тишине и покое, поэтому он вышел из комнаты и закрыл за собой дверь.

Дуань Лин ворочался в постели, мысленно возвращаясь к событиям прошлого — тем загадкам из школьных лет, что теперь обретали неожиданные объяснения. Это чувство было сродни озабоченности тем, что думал другой человек, и в то же время похоже на какое-то необъяснимое сожаление. Оно было так же ясно, как дикое, хищное желание в глазах Бату, которого было почти достаточно, чтобы проглотить его целиком.

Вечно они соревновались в упрямстве, но ради чего?

Он вспомнил, что однажды, когда был маленьким, нашел в саду красивую бабочку и позвал Бату посмотреть на нее, но, взмахнув крыльями, она улетела.

В тот день Бату долго выжидал, поймал для него бабочку, расправил ее и зажал между страницами книги. Дуань Лин сильно поссорился с ним из-за нее — он считал его слишком жестоким, а Бату обиделся на него за то, что он хотел как лучше, а в итоге на него накричали. Он был так зол, что пропустил ужин, но в итоге все равно склонил голову и извинился перед Дуань Лином.

Каждый раз, когда они ссорились, Бату в конце концов приходил к нему мириться, а Дуань Лин мог днями не разговаривать с ним. Иногда Бату даже вынужден был приходиться, чтобы уговорить его снова начать с ним разговаривать.

Вспоминая об этом, Дуань Лин не мог не чувствовать себя виноватым.

Он распахнул дверь. У Ду и Чжэн Янь все еще пили.

— О чем вы говорили? — У Ду похлопал себя по бедру, давая понять, что Дуань Лину следует присесть.

Но Дуань Лин не хотел получить еще одну порцию подколок от Чжэн Яня. Он присел рядом,

взял чашу с вином У Ду и сделал глоток.

— Особо ни о чем. Бату не выведет свои войска.

У Ду сказал:

— Тогда просто разрубите его на куски, отрежьте ему голову, бросьте монголам, и мы с ними сразимся. Елюй Цзунчжэнь отправил гонцов на север, в Силян, а Чжэн Янь — в Хуайин, чтобы одолжить немного войск у Хуайинхоу. Подкрепление прибудет сюда через десять дней.

— Попробую еще что-нибудь придумать, — сказал Дуань Лин. — Цзунчжэнь сейчас пьет с ним. Пойду проведаю его.

Когда Дуань Лин вернулся в гостевой двор, наступила уже вторая половина ночи. Он нашел Бату распростертым на каменном столе, но Цзунчжэнь выглядел в порядке. У их ног валялось полдюжины пустых кувшинов из-под вина.

Дуань Лин бросил на Цзунчжэня пытливый взгляд. Ну, как все прошло?

Цзунчжэнь покачал головой и движением губ прочитал первую строку стихотворения. Вспомнив старое произведение одного киданьского поэта, Дуань Лин мысленно продолжил: «Близки, но сердца тысячью ли разделены».

«Ночами прекрасны снега в середине зимы — в одной комнате души, чьи взгляды к друг другу не обращены.»

Это стихотворение повествовало о жене, к которой охладел муж. Внезапно Дуань Лин ощутил, как тысяча гневных вспышек и мириады споров, все невысказанные с детства слова и неразрешенные обиды, кристаллизовались в одно слово — непонимание.

— Я его не понимаю, — сказал Дуань Лин.

— А ты и не хотел его понимать, — любезно напомнил ему Елюй Цзунчжэнь.

Дуань Лину ничего не оставалось, как признать, что это действительно так. Он снял халат и перекинул его через плечо Бату, после чего вместе с Елюй Цзунчжэнем ушел.

— Он что-нибудь говорил обо мне? — прогуливаясь под луной, спросил Цзунчжэня Дуань Лин.

— Нет, — улыбаясь, ответил Елюй Цзунчжэня.

Дуань Лин знал, что Бату наверняка много раз упоминал о нем. Но раз уж Елюй Цзунчжэнь решил не говорить ему об этом, Дуань Лин тактично промолчит.

— Тогда, возможно, нам придется пойти по второму пути, — Дуань Лин остановился и обратился к Цзунчжэню.

— Что за второй путь?

— Принять все, что нас ждет. Сосредоточим все силы в Е, попросим подкрепления с юга, как можно быстрее отправим тебя обратно в Ляо и будем ждать, пока ты пришлешь войска. Если мы сможем удержать Е и ты успеешь вернуться вовремя, сразимся с монгольской ордой в Хэбэе до начала двенадцатого месяца.

— Это очень рискованно. Неужели нет другого выхода?

— Нет, — ответил Дуань Лин.

— Например, можно использовать его в качестве заложника. Заставить Чагана вывести свои войска.

— Это только убьет его. И в то же время мы не получим желаемого. Это даст Чагану только повод послать сюда свои войска. Переговоры будут лишь пустой тратой сил.

— Дело не в том, что это будет пустая трата сил. Дело в том, что ты не сможешь этого сделать, — с улыбкой произнес Елюй Цзунчжэнь. — Переговоры подразумевают обмен условиями, и, если ты не получаешь того, что хочешь, тебе приходится убить заложника. Ты сможешь это сделать?

— Нет, — беспомощно ответил Дуань Лин. — Поэтому использовать его в качестве заложника — не лучшая идея. В конце концов, даже если Чаган не согласится на наши условия, мы не сможем его убить.

— Не мы, — сказал Елюй Цзунчжэнь. — Ты.

— Да, я, — Дуань Лин смотрел Елюй Цзунчжэню в глаза.

— Давай подождем еще несколько дней. У Чагана наверняка есть свои причины тянуть время, и вряд ли они связаны с самим Борджигином.

— Времени мало. Мы не можем больше ждать.

— Давай подождем еще немного, — добавил Елюй Цзунчжэнь. — Ты еще не успел толком поговорить с Бату.

— А о чем еще можно поговорить? — вздохнул Дуань Лин. Но раз так сказал Цзунчжэнь, он подождет еще один день. На горизонте забрезжил рассвет. Наступила зима, и холодный горный ветер со свистом ворвался во двор. Вдвоем они попрощались друг с другом, после чего каждый вернулся в свою комнату.

К тому времени, как он пришел в свои покои, Чжэн Янь уже закончил пить, и в комнате остался лишь сидящий на кровати У Ду. На его коленях лежал Легуанцзянь. Он полировал меч.

Дуань Лин, зевнув, сонно сел рядом с У Ду и оперся на его плечо.

— Ну что, разобрался? — спрашивая Дуань Лина, повернулся У Ду. Он вернул Легуанцзянь в ножны и отложил его в сторону, а затем обнял его за талию и толкнул на кровать.

— Нет, — ответил Дуань Лин, все еще раздраженный, но рядом с У Ду его неизменно охватывало странное умиротворение.

— Пусть приходят, — прошептал У Ду. — Не бойся монголов. Тебе больше не нужно склонять голову перед этим варваром.

Дуань Лин тихонько хмыкнул в ответ, изучая взглядом черты лица У Ду. Тот сказал:

— Давай, спи, я не собираюсь изматывать тебя этой ночью. Политика и дипломатия — твоя работа, а война — моя. Раз уж вы не можете прийти к соглашению, будем готовиться к бою. Мы тоже не робкого десятка.

— Ты действительно уверен, что мы сможем победить?

— Яо Фу пришлет нам на помощь войска. Я уже договорился об этом с Чжэн Янем.

— Правда? Он придет?

У Ду кивнул и повернул Дуань Лина так, что он прилег к нему на грудь.

— Каковы его условия? — Дуань Лин знал, что, хотя У Ду и в хороших отношениях с Чжэн Янем, тот мог и не согласиться на столь серьезное дело. Даже если Чжэн Янь будет по мере возможности посредничать между ними, Яо Фу не станет выполнять все его просьбы — он должен был сделать это на каких-то условиях.

— Не волнуйся об этом, — сказал У Ду.

— Ты рассказал ему, кто я на самом деле?

— Конечно, нет.

Дуань Лин не мог представить, как У Ду удалось убедить Чжэн Яня, но он был более озабочен вопросом, зачем Яо Фу вообще послал войска на подкрепление. К тому же, даже если Хуайин пришлет ему армию, с наступлением зимы они не смогут противостоять монгольской орде в лютый холод — это действительно было сложной проблемой.

— Спи, — произнес У Ду. — Если ты завтра пойдешь к нему, он, возможно, захочет с тобой поговорить.

Небо уже светлело. Дуань Лин решил пока выбросить все эти мысли из головы и уснул, свернувшись калачиком в объятиях У Ду.

На следующий день, когда Дуань Лин отправился проведать страдающего от похмелья Бату, он проходил мимо главного зала и застал там гонца, который, опустившись на одно колено, докладывал о военной ситуации на севере Елюй Цзунчжэню, У Ду, Чжэн Яню и Фэй Хундэ.

Дуань Лин кивнул Чжэн Яню. За последние несколько дней у них не было возможности поговорить, так как он был очень занят.

— Генерал У Ду сказал, что ты поздно лег спать, — сказал Фэй Хундэ. — Он хотел, чтобы ты поспал подольше, поэтому мы решили собрать всех на совещание, не дожидаясь тебя.

— Ничего страшного, — Дуань Лин сел рядом с У Ду за стол. — Как обстоят дела?

Гонец был киданьским шпионом, посланным Елюй Цзунчжэнем; его задачей было наблюдать за происходящим между двумя берегами Сюньшуй. Он привез чрезвычайно важную информацию: после захвата Бату сначала прибыл приказ Угэдэя, предписывающий ему принять командование армией, а затем прибыл приказ Чагатая, в котором Чагану было велено не передавать войска Бату, а вместо этого первым делом взять Лоян, а потом двинуться в направлении Чжунцзина, ожидая дальнейших приказов.

Дуань Лин, слушая, одновременно переводил для Чжэн Яня и У Ду. Гонец подслушивал разговоры монгольских воинов и пришел к такому выводу на основании услышанного. Пояснения были на монгольском языке, а еще в них были вкраплены догадки Елюй Цзунчжэня и Дуань Лина, поэтому они были крайне запутанными. После окончания обсуждения все сочли, что из нынешнего положения дел можно было извлечь много пользы.

— Мы можем полагаться только на вас, — сказал Елюй Цзунчжэнь. — Вчера вечером я

потратил время на то, чтобы все тщательно обдумать. Вы правы. Время никого не ждет. Сегодня я покину Е и вернусь в Чжунцзин.

Дуань Лин знал, что Елюй Цзунчжэнь беспокоился и о войне в Чэнь, и о безопасности Дуань Лина. Только поэтому он так долго оставался здесь, надеясь, что сможет что-то для него сделать.

— Не такая уж плохая идея Вашего Величества — отложить дела на некоторое время, — сказал Фэй Хундэ. — В конце концов, цель Хань Вэйюна — это вы. Пока он не узнает, что вас схватили, императорский наставник Хань не посмеет действовать без должной осмотрительности.

— Но если я не вернусь в Чжунцзин, — произнес Елюй Цзунчжэнь, — у меня не будет возможности направить войска, чтобы облегчить участь Хэбэя. Все «за» и «против» того, чтобы остаться, сводятся к одному.

— Пойду предприму последнюю попытку, — решил Дуань Лин.

— Мне идти с тобой? — спросил У Ду.

— Не нужно, — ответил Дуань Лин. — Мы должны сегодня прийти к решению. Нельзя больше тянуть.

Как только Дуань Лин встал, Чжэн Янь тоже поднялся со своего места. Дуань Лин понял, что тот хотел поговорить, и вышел вслед за ним во двор. Они встретились взглядами.

— Войска Хуайинхоу придут прямо сейчас, — в очередной раз серьезно сказал Дуань Лину Чжэн Янь. — Тебе не нужно сильно обременять себя.

Дуань Лин облегченно вздохнул и шагнул вперед, чтобы обнять Чжэн Яня и выразить ему свою благодарность.

— Что он хочет взамен? — спросил Дуань Лин.

— То, что он хочет, не имеет особого отношения к тебе. Я уже написал письмо и отправил его в Хуайин. Когда придет время, если он захочет что-то сообщить, я просто пойду и поговорю с ним.

— Почему ты... — Дуань Лин вдруг понял, что его вопрос был слишком глуп. Он хотел спросить, почему Чжэн Янь так много делает для него, но, если Хэбэй падет, Хуайин станет северными воротами Чэнь. И если это случится, у Яо Фу больше не будет возможности решать, посылать войска или нет.

— Большое спасибо, Чжэн Янь. Я попробую еще раз. Может быть, нам пока не придется заходить так далеко.

— Когда все закончится, — ответил Чжэн Янь, вернувшись к прежнему поведению, — ты должен будешь оказать мне услугу.

При слове «услуга» у Дуань Лина разболелась голова.

— Что за услугу?

— Я еще не решил. Скажем, ты пока будешь мне должен.

Дуань Лин потерял дар речи.

Но Дуань Лин знал, что, хотя Чжэн Янь был обычно довольно легкомыслен, в конечном счете он был разумным человеком; одно дело, когда он давал волю языку, но он не смел навлекать на себя гнев У Ду.

— Тебе ведь нужен Чжэньшаньхэ, не так ли? — неожиданно спросил Дуань Лин.

Чжэн Янь от неожиданности вздрогнул, удивившись, что Дуань Лин докопался до самой сути и попал в точку.

С самого утра Дуань Лин размышлял: почему после того, как Чжэн Янь и У Ду провели ночь за вином, Чжэн Янь согласился помочь У Ду с подкреплением? Если У Ду не раскрыл его истинную личность, что он мог предложить Чжэн Яню или, скажем, Яо Фу в обмен на помощь?

Единственное, что он мог использовать в качестве переговорного инструмента, — это Чжэньшаньхэ.

У Чжэн Яня была та же миссия — найти этот Меч Царства; тот, кто найдет его, станет обладателем власти в Зале Белого Тигра. Если отдать его Чжэн Яню, то это повлияет на У Ду, но не на Дуань Лина. Ведь кто бы ни завладел им, он должен будет поклясться в верности правителю Южной Чэнь и ее наследному принцу.

Это мог быть приказ Ли Яньцю или Яо Фу. Если это так, то велика вероятность, что Чжэн Янь разыскивал его для Яо Фу.

Дуань Лин невольно насторожился, но, раз У Ду дал обещание, у того должны быть свои соображения.

— Как решит У Ду, — ответил Дуань Лин, — так и будет.

— Войска еще не пришли, и мы не начали сражаться. У тебя еще есть достаточно времени, чтобы отказаться от сделки.

Дуань Лин улыбнулся в ответ, но Чжэн Янь добавил:

— Я ищу Чжэньшаньхэ только потому, что Его Величество поручил мне это сделать. Я не отдам его Хуайинхоу. Что касается того, почему Яо хоу согласился на мою просьбу, об этом я расскажу позже.

Дуань Лин вышел из главного зала и не мог не обернуться, чтобы посмотреть на Чжэн Яня. Он прямо и задумчиво стоял посреди галереи, как будто о чем-то глубоко размышляя.

После минувшей ночи в Е намного похолодало.

Открыв дверь, Дуань Лин обнаружил, что кушетка уже была пуста, и было не понятно, куда делся Бату.

Когда Дуань Лин собирался повернуться, за спиной внезапно раздался его голос.

— Не двигайся. Иначе ты умрешь.

— Отличная идея, — сказал Дуань Лин.

— Ты уже использовал меня однажды. Теперь моя очередь использовать тебя.

Мысли Дуань Лина вдруг устремились в другом направлении, и он сказал:

— Бату.

Бату было интересно, что он хотел сказать.

Дуань Лин произнес:

— С тех пор как ты вырос, твой голос звучит так приятно.

Бату потерял дар речи.

Когда Дуань Лин вспоминал Бату прежних лет, в памяти всплывал детский голос, слегка хрипловатый от ломки. Но стоило Бату повзрослеть, как его голос приобрел странные нотки, непохожие на низкий и глубокий тембр У Ду, чистый голос Лан Цзюнься или плутовские интонации Чжэн Яня.

Бату не ожидал, что Дуань Лин скажет что-то столь необычное, и лишился дара речи.

— Какой там «приятно», — сказал Бату своим мужественным, приятным голосом и отпустил Дуань Лина. Когда тот обернулся, то увидел в руке Бату расческу.

С обнаженным торсом и в одних кожаных штанах на босу ногу, Бату был на полголовы выше стоящего рядом Дуань Лина. Возможно, в глазах других он выглядел очень грозно, но для Дуань Лина Бату оставался Бату.

— Ты ходил мыться? — улыбнулся Дуань Лин.

— Отойди в сторону, — нетерпеливо произнес Бату, проходя мимо Дуань Лина, чтобы одеться перед кроватью.

— Ты не все домыл, — Дуань Лин подошел и дотронулся до шеи Бату. Она все еще была грязной. — В горах есть горячие источники. Если у тебя есть время, можешь сходить туда и помыться, чтобы привести себя в порядок. Не мойся в холодной воде. Простудишься.

Бату никогда не любил мыться, а сейчас, наверное, и того меньше. Но здоровый мужской аромат, исходящий от его кожи, смешанный с легким запахом пота после небрежного мытья, все равно был довольно приятен.

На постели лежал аккуратно сложенный халат Дуань Лина. Он успел лишь мельком взглянуть на него, прежде чем Бату убрал его.

— Я не соглашусь на твои условия, — бросил Бату.

Дуань Лин поднял подол халата, подошел к Бату и опустился на колени.

— Эй! — мгновенно выражение лица Бату потемнело.

— Послушай меня, — стоя на коленях перед Бату, строго произнес Дуань Лин, — дай мне договорить.

— Ты наследник империи! — в ярости воскликнул Бату. — Как ты можешь так легко становиться передо мной на колени?! Неужели тебя не волнует честь твоей империи? А как же гордость твоего народа?

Встав на колени перед Бату, Дуань Лин произнес:

— Послушай, Бату, хоть я и не дарил тебе подарка...

— Сейчас же встань! — гневно крикнул Бату.

— Мой господин, — произнес Шулюй Жуй через дверь, поспешив сюда.

— Не входи, — сказал низким тоном Дуань Лин.

— Вставай... сейчас же! — произнес Бату.

Дуань Лин наконец не выдержал:

— Ты не можешь выслушать меня, пока я не закончу?!

— Сначала встань! — Бату подхватил Дуань Лина под мышки, пытаясь перетащить его в стоячее положение.

— Ты должен слушать меня, пока я не закончу, прежде чем я смогу встать.

— Ни слова больше! Думаешь, я не знаю, что ты собираешься сказать?

— Бату! Прекрати!

Как только их руки соприкоснулись, Дуань Лин неловко отстранился от Бату, но тот, наконец потеряв самообладание, толкнул его на кровать. Глядя на лицо Дуань Лина, дыхание Бату внезапно участилось. Он прижал его под собой и на мгновение замер, готовый грубо впиться в него поцелуем.

Внезапно они оба затихли.

— Если ты сделаешь это, — сказал Дуань Лин, — мы больше не будем анда. Между нами все будет кончено.

Бату некоторое время молчал, прежде чем наконец отпустить Дуань Лина. Похоже, он понял, что к некоторым вещам невозможно было принудить. Даже если он возьмет Дуань Лина силой, он не сможет взять силой то, что находилось в его сердце, — гордость.

Бату отвел глаза и уставился в пол. Он устало произнес:

— Говори.

Он наконец-то принял некий устоявшийся факт.

— Дай мне три года, — сказал Дуань Лин. — Через три года я приведу войска Южной Чэнь к Сюньшуй, и мы будем сражаться на ее границе.

Бату поднял голову и посмотрел на Дуань Лина так, словно это была их первая встреча.

— Сейчас Угэдэй и Чагатай сражаются друг с другом. Ты — единственная надежда своего отца. Ты должен как можно скорее разрешить конфликт внутри своего клана. По крайней мере, избавься от Чагана.

— Должно быть, тебе это все рассказал Елюй Цзунчжэнь.

— Разумеется, нет, — ответил Дуань Лин. — Мне нужно время. Позволь мне вернуться в Цзянчжоу и получить то, что по праву мне принадлежит. В течение трех лет я свергну пса Цая и стану наследным принцем Южной Чэнь. Через три года я прикажу своим войскам сразиться с тобой. Если я выиграю, ты отступишь за Великую стену, а если проиграю, можешь поступать со мной, как пожелаешь.

— Поклянись в этом тремя ударами ладоней, — сказал Бату.

Дуань Лин поднялся, отступил на несколько шагов и произнес:

— У меня нет ничего, что я мог бы тебе дать. Пес Цай забрал кинжал, который ты мне подарил.

— Я знаю. Мне рассказал Лан Цзюнься. Он мне все рассказал.

— Так вот почему ты его так избил?

Бату усмехнулся.

— Я собирался убить его, но он поспорил, что ты не придешь, и я оставил его в живых еще на несколько дней. Через три дня пошли кого-нибудь к Сюньшуй. Принеси барана.

— Что это значит? — спросил Дуань Лин, но сразу после этого догадался, что они, возможно, дадут клятву.

Бату сказал:

— А пока дай мне вернуться к ним.

Дуань Лин понял, что Бату согласился, и испустил затаенный вздох. Но на сердце у него становилось все тяжелее и тяжелее.

Бату надел свою одежду и вышел вслед за Дуань Лином из комнаты. Он приказал вернуть кинжал Бату и сообщить об этом У Ду.

— Выведите его из города, — приказал Дуань Лин.

Бату ничего не произнес, и как только его проводили до северных ворот Е, он сел на коня. Дуань Лин хотел, чтобы Шулюй Жуй сопровождал его всю дорогу, но Бату отмахнулся от этой идеи.

— Не забудь приехать через три дня.

Бату направил своего коня прочь от Е и поскакал на север.

— Он согласился на твои условия? — спросил У Ду.

— Три года, — ответил Дуань Лин. — Я отложил этот бой на три года с сегодняшнего дня.

— Ну и ладно, — сказал У Ду. — Три года — слишком долго. Будет лучше, если это произойдет весной следующего года.

Дуань Лин обернулся, не зная, что сказать, и взглянул на У Ду.

— Я обещал ему, что если я проиграю...

— Ты ни за что не проиграешь, — ответил У Ду. Он даже не спрашивал, каковы были условия обмена Дуань Лина, а взял его за руку и направился с ним обратно в город.

Перед У Ду все опасения Дуань Лина исчезали подобно дыму.

— Три года — слишком мало, — после того как Дуань Лин рассказал о случившемся, Елюй Цзунчжэнь произнес. — Надо было просить десять лет. У вас, ханьцев, даже есть поговорка — «если благородный муж мстит, это и через десять лет не поздно».

— Долго ли, коротко ли, — сказал Дуань Лин, — почему бы вам двоим не обсудить это и не прийти к какому-то заключению.

— Пошлите сообщение Яо хоу, — произнес Фэй Хундэ. — Больше нет нужды в подкреплении, не так ли?

— Давайте еще немного подождем.

Дуань Лин все еще не совсем успокоился, опасаясь, что на стороне Бату возникнет какая-нибудь непредвиденная ситуация. Через три дня он подготовил барана и прибыл на берег Сюньшуй. Гонец уже неоднократно докладывал, что северный берег Сюньшуй от горизонта до горизонта был заполнен монгольскими воинами, но они еще не переправились через реку.

На реке Сюньшуй, в самом ее центре, находилась отмель. Летом воды скрывали ее под собой, но с приходом зимы они отступили, вновь обнажив песчаную косу. Именно здесь воины ждали, пока деревянные бревна поплывут вниз по течению.

Пятидесятитысячная орда монголов находилась прямо за рекой. Бату прибыл с Амгой, а Дуань Лин переправился вброд вместе с У Ду и Елюй Цзунчжэнем.

— Елюй Цзунчжэнь, хорошо, что ты здесь — ты можешь быть нашим свидетелем, — сказал Бату Елюй Цзунчжэню, а затем, повернувшись к своему войску, громко произнес. — Император Ляо здесь в качестве нашего свидетеля. Человек, стоящий передо мной, вырос вместе со мной. Однажды он спас мою жизнь, а также жизнь моего отца в Шанцзине. Хотя я был побежден и находился в плену, он освободил меня и вернул мне свободу. Я решил принести ему клятву анда!

С другого берега реки не доносилось ни единого голоса, все молча слушали Бату.

На стороне Дуань Лина было только три человека: он сам, У Ду и Елюй Цзунчжэнь.

— Мы пообещали сразиться друг с другом через три года! Место будет определено позже! Он оставил меня в живых, а я взамен обещаю ему, что его город не будет атакован в течение трех лет. Через три года, если он проиграет эту битву, железные копыта наших коней пронесутся галопом по Сюньшуй, и он не попытается меня остановить!

Монгольские воины на северном берегу дружно подняли оружие и единодушно закричали. Чаган тем временем восседал на своем коне и рассматривал двух людей на песчаном берегу. Похоже, он действительно не желал, чтобы это произошло, но для монголов стать названными братьями было самым святым делом, и никто не мог вмешиваться. И хотя для Бату было унижительно оказаться в плену, такой способ решения проблемы заставил людей восхищаться им еще больше.

— Если я проиграю! — снова закричал Бату. — Я перережу себе горло и оставлю жизнь своему анда!

Дуань Лин был ошеломлен.

— Ты... — произнес Дуань Лин. — Возьми свои слова обратно!

Бату отступил на шаг. Его глаза сияли. Он вонзил нож в шею барана, и кровь брызнула дугой. Подчиненный Елюй Цзунчжэня принес им две чаши с вином, наполнил их до краев крепким алкоголем и вылил в них немного бараньей крови.

Бату протянул Дуань Лину чашу с вином.

— Выпей. У тебя были свои условия, так что и у меня, разумеется, тоже.

Дуань Лин взял у него чашу с вином и заглянул в индиговые глаза Бату, а Бату посмотрел в черные глаза Дуань Лина.

Он осушил чашу до дна. Жжение от крепкого алкоголя поднялось по горлу и стало таким резким, что заслезились глаза.

— За эти три года, — добавил Бату, — никто из вас не сможет помешать мне навещать своего анда.

Сказав это, Бату наклонился и взял два камешка, смоченных в крови барана. Он протянул один из них Дуань Лину и произнес:

— Считаю это нашим знаком. Береги его.

Дуань Лин сделал шаг вперед и обнял Бату, прошептал:

— Береги себя, Бату.

Тот молча кивнул, сел на коня и уехал. Когда он добрался до Чагана, они немного поговорили, и Чаган отдал монгольскому войску команду покинуть берег Сюньшуй.

<http://bllate.org/book/15657/1400670>